
КРОССКУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

© 2016 г. Н. М. Лебедева*, А. Н. Татарко**, Дж. Берри***

* Доктор психологических наук, профессор факультета социальных наук НИУ-ВШЭ, зав. Международной научно-учебной лабораторией социокультурных исследований НИУ-ВШЭ, Москва;

** Доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник там же;

*** Профессор Королевского университета, Канада, главный научный сотрудник там же.

Рассматриваются межкультурные отношения принимающего населения ($N = 651$) и инокультурных мигрантов ($N = 378$) в г. Москве. В исследовании проверяются три гипотезы, объясняющие аккультурацию и межкультурные отношения в поликультурных обществах: гипотеза мультикультурализма, гипотеза интеграции и гипотеза контакта. Полученные данные обрабатывались отдельно на выборках русских, проживающих в Москве и мигрантов при помощи процедуры моделирования структурными уравнениями, полученные модели для обеих выборок сравнивались. Результаты показали, что такие факторы как воспринимаемая безопасность, межкультурные контакты, принятие мультикультурной идеологии, аккультурационные стратегии и ожидания оказывают значимое влияние на взаимную аккультурацию и отношения принимающего населения Москвы и мигрантов. Сделано заключение о том, что усилия по улучшению взаимоотношений между мигрантами и принимающим населением должны быть направлены на повышение базового чувства безопасности и принятие мультикультурной идеологии у тех и других.

Ключевые слова: аккультурационные стратегии/ожидания, межкультурный контакт, межкультурные отношения, удовлетворенность жизнью, мультикультурная идеология, мигранты, воспринимаемая безопасность, толерантность.

Вследствие роста миграционных процессов во всем мире, уменьшается количество монокультурных стран, большинство обществ характеризуется этническим разнообразием населения. При этом представители различных этнических, культурных и религиозных групп проживают совместно, в одном населенном пункте и часто по соседству. Российская Федерация – одно из самых мультикультурных обществ в мире, на территории которого, согласно переписи 2010 года, проживают представители 194 этнических групп. Несмотря на то, что этнические русские составляют основную массу населения (81% по Всероссийской переписи населения 2010 года), согласно данным ООН на 2013 год, Российская Федерация – вторая в мире страна по количеству иммигрантов (11,2 миллиона) после

США (45,8 миллионов иммигрантов) [19]. Такое культурное многообразие наряду с интенсивной внутренней и внешней миграцией приводит к проблемам во взаимной аккультурации и адаптации инокультурных мигрантов и принимающего населения [6, 7].

В настоящее время Россия сталкивается с иммиграцией, отличной от той, что была в начале 2000-х годов, когда большинство иммигрантов составляли этнические русские из бывших советских республик. Новые иммигранты имеют более низкий уровень образования и профессиональной квалификации. Их знание русского языка также хуже, чем у предыдущего поколения мигрантов. Только 50% способны самостоятельно заполнить официальные документы; остальным требуется помощь, так как их знание русского языка очень слабое [4]. Начиная с 90-х годов, такая иммиграция рассматривалась российскими властями как временное явление, и рабочие-иммигранты

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 15-18-00029.

считались временными резидентами. Тем не менее, сейчас стало ясно, что Россия – принимающая страна, и иммиграция становится явлением постоянным. В то время как значительное число рабочих-иммигрантов проживают в России уже многие годы и могут рассматриваться в качестве потенциальных граждан РФ, большинство из них даже не имеют временного вида на жительство или официального статуса постоянно проживающих. Многие мигранты, приезжающие в центральные регионы, являются гражданами России, но население центральной России воспринимает этнически отличающихся мигрантов из республик Северного Кавказа как “чужаков” [23]. Несмотря на эти проблемы, иммигранты во многом адаптировались к местным условиям: они живут, работают и часто содержат семьи в России.

Рабочие-иммигранты особенно требуются в больших городах страны. Москва – самое популярное место прибытия мигрантов. В 10.38 млн. человек (составляющих официальное количество жителей Москвы) входят представители практически каждой этнической группы, проживающей сейчас на территории Российской Федерации, а также представители этнических групп дальнего зарубежья. В то же время 85% постоянных жителей Москвы являются этническими русскими. В связи с большим притоком мигрантов, коренные москвичи боятся быть вытесненными из своих традиционных экономических ниш, опасаются снижения своего уровня жизни. Подобные страхи мы называем потерей чувства *экономической безопасности*. Помимо экономической безопасности, существует еще два измерения безопасности, влияющих на отношение к иммиграции и иммигрантам: это *культурная безопасность* и *физическая безопасность* [14]. Потеря чувства *культурной безопасности* представляет собой ощущение угрозы, утраты культурных ценностей, традиций, норм, морали, языка или других этнокультурных особенностей в связи с притоком инокультурных “чужаков”. Потеря чувства *физической безопасности* – это ощущение внешней угрозы человеку и его семье. Угрозу физической безопасности принято ассоциировать, в том числе и с этнической преступностью.

Межкультурные различия, в том числе отличия в религии или уровне образования, часто используются в качестве объяснения роста социальной нестабильности и повышения уровня преступности во всех сферах жизни в Москве. Тем не менее, исследования показали [5], что основное культурное разделение – это разделение между коренными москвичами и иммигрантами, а не между русскими и не русскими. Коренные москвичи, как

русские, так и нерусские, в повседневной жизни не имеют больших культурных различий. Напротив, иммигранты из ряда стран СНГ и мигранты из некоторых регионов Российской Федерации отличаются от коренных москвичей по своим социокультурным характеристикам. Многие иммигранты, особенно нелегальные, встречаются с серьезными трудностями, что делает их адаптацию в Москве еще сложнее. Помимо межгрупповой дискриминации, они могут столкнуться и с внутриэтнической, внутригрупповой дискриминацией. Члены московской элиты, являющиеся потомками этнических групп из бывших республик СССР, часто дистанцируются от “менее культурных” братьев, которые, с их точки зрения, “позорят” их нации [5].

Длинный список трудностей, обычно испытываемых иммигрантами, включает в себя несправедливые зарплаты, суровые условия жизни, ненормированный рабочий день и недостаток мер безопасности на рабочих местах, сложности в получении медицинской помощи, предвзятое отношение москвичей, а также вспышки крайнего русского национализма, основанного на этнических предубеждениях. Данные факты послужили одним из оснований изучения социально-психологических факторов, способствующих или препятствующих налаживанию позитивных взаимоотношений между мигрантами и принимающим населением на примере взаимоотношения двух групп – мигрантов с Северного Кавказа и русских, проживающих в городе Москва.

При рассмотрении межкультурных отношений в поликультурных обществах часто выделяют два основных подхода. Первый – “*правильный котел*” – поддерживает возможную ассимиляцию иммигрантов в принимающем сообществе, результатом которой становится однородная культура и общая национальная идентичность. Второй подход – *мультикультурализм* – основан на реализации двух целей: сохранение культурных особенностей мигрантов на протяжении поколений и равноправное участие всех групп и индивидов в жизни остального общества [12, 20].

Первым государством в мире, в котором политика мультикультурализма приобрела официальный статус, является Канада. Канадская политика мультикультурализма, основываясь на двух принципах – разнообразия и равенства, обеспечила популярность концепции (Рис. 1), включающей три гипотезы, поддающиеся психологической верификации [10].

Фундаментальная цель мультикультурной политики – усилить взаимное принятие членами эт-

Рис. 1. Компоненты мультикультурной политики Канады и связи между ними [10].

нокультурных групп друг друга (верхний правый компонент на рис. 1). Эта цель достигается через три других важных компонента. Слева сверху – *культурный* компонент политики, который реализуется через оказание поддержки и поощрение сохранения культуры и развития всех этнокультурных групп. Второй компонент – *социальный*, или *межкультурный* (слева внизу), он характеризует возможность позитивного взаимодействия представителей различных этнических групп путем обеспечения межгруппового контакта и снятия барьеров, препятствующих равноправному участию в повседневной жизни общества. Последний элемент – *межкультурная коммуникация* (правый нижний угол на рис. 1). Этот компонент указывает на необходимость наличия общего, официального языка, чтобы представители всех этнических групп могли быть включены в повседневную жизнь общества.

Обозначенные связи между компонентами отражают *три гипотезы*, которые были проверены в нашем исследовании.

Гипотеза *мультикультурализма* связывает сохранение культуры и ощущение безопасности с позитивными межкультурными отношениями. Эта гипотеза означает, что если у людей есть базовое чувство безопасности (например, когда нет угрозы их культуре и идентичности), то они будут принимать тех, кто отличается от них. Данная ги-

потеза основана на базовом положении канадской мультикультурной политики, которое гласит, что если члены общества характеризуются уверенностью и позитивностью культурной идентичности, то позитивность межкультурных отношений (в том числе желание контактировать с представителями инокультурных групп, уважение к другим и снижение уровня дискриминации) будет расти. Напротив, когда люди чувствуют угрозу своей культурной идентичности, это приведет к росту предрассудков и дискриминации [28].

В настоящее время есть эмпирические доказательства на примере ряда стран, подтверждающие эту гипотезу [14, 15, 21, 31]. При исследовании взаимных установок мигрантов с Северного Кавказа в Москве и москвичей нами также было обнаружено, что культурная безопасность предсказывала толерантность, предпочтение интеграции и ориентацию на социальное равенство в обеих группах, но на выборке русских москвичей эти связи были слабее [1].

Важно отметить, что политика мультикультурализма в Канаде имеет заметные отличия от мультикультурализма, провозглашенного в других странах. Особенность Канады в том, что, во-первых, это общество создано потомками мигрантов, т.е. в этом обществе отсутствует “коренное” население (за исключением относительно небольшого количества индейцев). Во-вторых, нет одной

численно превосходящей этнической группы, которая бы рассматривалась как доминирующая в обществе и находилась бы наверху этностатусной иерархии. То есть, по сути, Канада – это сообщество мигрантов. В Европейских странах иная ситуация – в них есть исторически доминирующее в стране большинство и мигранты. Если в Канаде мультикультурализм оказался эффективен, то он не был столь же успешной политикой в ряде европейских государств, что привело к его критике со стороны глав этих государств [22]. Существует точка зрения, что политика в отношении мигрантов, реализуемая в европейских странах, поспешно была названа мультикультурной [13]. В этих странах было признано культурное разнообразие, но не было создано условий для равноправия различных этнических групп, сохранения их культур и реализации равноправных взаимоотношений. То есть, в европейских странах мультикультурализмом называют этническое разнообразие как демографическое явление. Однако, мультикультурализм должен также реализовываться и на политическом уровне, что было полностью осуществлено в Канаде и недостаточно, по мнению исследователей, в Европе [22].

Российский мультикультурализм отличается и от канадского, и от европейского. Его основная особенность в том, что он имеет не только демографическую и политическую, но и историческую составляющие. Россия – исторически многонациональная страна, а в советское время представители союзных республик активно включались в русскую культуру и жизнь России. Отличительной чертой российского мультикультурализма всегда было и остается то, что культуры народов, проживающих на территории России, не только сохраняются, но и развиваются. По нашему мнению, характерными особенностями российского мультикультурализма являются: исторический опыт длительного совместного проживания народов России, ее федеративное устройство, целенаправленное сохранение культурного разнообразия и отсутствие угроз существованию культур, представители которых населяют территорию Российской Федерации. И хотя термин “мультикультурализм” стал использоваться в России относительно недавно, фактически он существует в вышеописанном варианте достаточно давно. Данный факт позволил нам проверить гипотезу мультикультурализма, предложенную в Канаде, на российской выборке.

Гипотеза интеграции – это сопряженность поддержания собственной культуры (культурный компонент) и участия в межкультурных контактах (межкультурный компонент). Эта гипотеза

предполагает, что, когда индивиды и группы включены в жизнь принимающего общества и одновременно не теряют связи со своей культурой, они будут достигать большего успеха в жизни, в том числе обладать более высокой социокультурной компетентностью, субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью. В исследованиях, посвященных межкультурным отношениям и аккультурации, установлено, что стратегия интеграции чаще всего вела к лучшей адаптации мигрантов, по сравнению с другими стратегиями [11]. Возможное тому объяснение может быть следующим: люди, имеющие “двойные связи” (с собственной культурой и культурой принимающего общества) получают поддержку и ресурсы от двух культур, а также они компетентны во взаимодействии с членами обеих культур. Социальный капитал, приобретаемый благодаря таким множественным социальным и культурным связям, дает возможность достичь успеха, пользуясь ресурсами различных сообществ и групп. Данные относительно связи интеграции с более успешной адаптацией были также получены в эмпирических исследованиях [16].

Мета-анализ 83 исследований, в которых приняли участие более 20000 человек, показал, что интеграция (“бикультурализм”) имеет значимую и позитивную связь как с психологической адаптацией (например, удовлетворенностью жизнью, позитивным настроением, самооценкой), так и социокультурной адаптацией (например, успехами в учебе, успехом в карьере, социальными навыками, отсутствием поведенческих проблем) [24].

Гипотеза интеграции поддерживается также сравнительными исследованиями. Например, при сопоставлении аккультурационных стратегий и результатов адаптации молодых иммигрантов второго поколения в Канаде и Франции, предполагалось значительное влияние на эти процессы социального контекста и отношения со стороны представителей принимающего общества [16]. Установлено, что во Франции при высоком уровне дискриминации мигрантов, наблюдались низкие уровни ориентации самих мигрантов на поддержание собственной этнической культуры (идентичность, поведение), и адаптации (более низкая самооценка, более высокий уровень девиантного поведения). В обеих выборках ориентация на стратегию интеграции оказалась связанной с более успешной адаптацией, а на маргинализацию – с менее успешной. Однако величина данной связи слабее у иммигрантов в Канаде, чем во Франции. Такие различия интерпретировались тем, что во Франции сохранение этнической принадлежности иммигрантов отнимает больше психологи-

ческих ресурсов, и это связано с различиями в национальной политике и повседневных практиках [12].

Гипотеза контакта характеризует связь межэтнических, межгрупповых контактов с взаимным принятием представителей различных этнических групп в поликультурном обществе (см. рис. 1).

Эта гипотеза предполагает, что межкультурный контакт будет способствовать взаимному принятию при соблюдении определенных условий, особенно – равноправия [8]. В исследованиях, проведенных в Канаде, Дж. Берри и Р. Калинин получили данные, подтверждающие такую взаимосвязь при контроле переменной статуса, т.е. статусы взаимодействующих групп должны быть равны [20]. Т. Петтигрю и Л. Тропп осуществили мета-анализ исследований, связанных с гипотезой контакта, проведенных в разных странах, и с помощью различных методов [25–27]. Полученные авторами результаты в целом поддерживают гипотезу: межгрупповые контакты обычно отрицательно связаны с выраженностью предрассудков, как в доминирующей, так и в недоминирующей группах.

Таким образом, вышеуказанные компоненты мультикультурной политики, способствуют ее главной цели – улучшению межэтнических отношений в поликультурном обществе.

Основной целью проведенного исследования являлась эмпирическая проверка применимости политики мультикультурализма в России и сопоставление полученных результатов с мировыми данными.

Для достижения цели исследования решалась задача проверки трех обозначенных гипотез в российском контексте.

1. Гипотеза мультикультурализма: чем в большей степени у индивида выражено чувство безопасности, тем выше уровень его готовности принимать тех, кто отличается по своим этнокультурным характеристикам, а именно:

1 а, б. Чем выше уровень воспринимаемой безопасности, тем в большей степени выражены поддержка мультикультурной идеологии и этническая толерантность (для иммигрантов (1 а) и для членов принимающего общества (1 б)).

2. Гипотеза интеграции: те, кто предпочитают стратегию интеграции, характеризуются более успешной психологической и социокультурной адаптацией, а именно:

2а. Чем выше предпочтение аккультурационной стратегии “Интеграция” у иммигрантов, тем выше уровень их удовлетворенности жизнью и социокультурной адаптации.

2б. Чем выше предпочтение аккультурационного ожидания “Мультикультурализм” у членов принимающего общества, тем выше уровень их удовлетворенности жизнью.

3. Гипотеза контакта: межкультурные контакты и обмен обеспечивают взаимное принятие (особенно при наличии равенства), а именно:

3а. Чем выше частота дружеских контактов с представителями принимающего общества среди мигрантов, тем выше их предпочтение стратегий “Ассимиляция” и “Интеграция”.

3б. Чем выше частота дружеских контактов членов принимающего общества с иммигрантами, тем выше уровень выраженности аккультурационных ожиданий “Мультикультурализм” и “Плавильный котел” и выше уровень этнической толерантности по отношению к мигрантам.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Исследование проводилось в Москве. Выборка включила в себя 1029 взрослых респондентов: 651 из них были русскими москвичами и 378 – мигрантами: “внутренними” с Северного Кавказа (карачаевцы) и “внешними” иммигрантами с Южного Кавказа – Армении, Азербайджана, Грузии (табл. 1).

Таблица 1. Характеристика выборки исследования

Группа	Количество человек		Возраст <i>M (SD)</i>
	Всего	Мужчины/женщины	
Русские	651	202/449	34.8 (12.4)
Армяне	181	79/102	25.9 (13.3)
Азербайджанцы	50	22/28	36.7 (13.0)
Карачаевцы	100	53/47	22.7 (3.6)
Грузины	47	21/26	30.5 (10.3)
Всего	1029	337/692	30.1 (10.5)

Процедура обследования. Респонденты в основном опрашивались на рабочих местах или в университетах, также были респонденты из числа друзей и знакомых интервьюеров. Опрос проводился по принципу “снежного кома”. Заполнение опросника занимало примерно 40 минут. Так как большинство респондентов имели высшее образование и хорошо владели русским языком, опрос проводился на русском языке.

Методики исследования. В исследовании использовался опросник, созданный в рамках проекта *Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS)* или “Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах”. Идея, теоретические основания и инструментарий для данного проекта предложены Дж. Берри. В настоящее время данный проект, помимо России, реализуется в ряде обществ, в которых есть мигранты и меньшинства, например: в Новой Зеландии, Канаде, Финляндии, Эстонии, Австралии, Китае, Франции, Германии, Греции, Португалии, Сингапуре, Испании, Швейцарии, Турции, на Мальте. Во всех этих странах данные собираются в целом с помощью единого инструментария (с небольшими вариациями), что позволяет проводить сопоставления полученных результатов.

Опросник был переведен на русский язык и адаптирован для использования в России [1]. При этом осуществлялся прямой и обратный перевод шкал и проверка их факторных структур.

В рамках настоящего исследования, прежде чем осуществить моделирование при помощи структурных уравнений, нами проведен конфирматорный факторный анализ всех шкал опросника и удалены вопросы, которые были связаны с соответствующим фактором слабее, чем $\beta = 0.5$ (использованы стандартизированные коэффициенты).

В процессе обследования респонденты отвечали на вопросы анкеты, используя 5-и балльную шкалу ответов: от 1 – “полностью не согласен” до 5 – “полностью согласен”.

Опросник включал следующие шкалы. *Шкала воспринимаемой безопасности.* Общая шкала воспринимаемой безопасности считается как среднее по трем субшкалам: *культурная, экономическая и физическая безопасность*. Каждый тип безопасности оценивался с помощью четырех вопросов, например: “Мы должны принять меры для защиты наших культурных традиций от влияния извне” (культурная безопасность, обратный вопрос); “Высокие налоги не позволяют покупать предметы первой необходимости” (экономическая безопасность, обратный вопрос); “Вероят-

ность стать жертвой разбойного нападения, быть ограбленным или убитым становится все выше” (физическая безопасность, обратный вопрос).

Мультикультурная идеология. Данный конструктор направлен на выявление степени поддержки мультикультурализма как идеологии и практики. Он оценивался также с помощью 4 вопросов, таких как: “Мы должны помогать этническим и расовым меньшинствам сохранять их культурное наследие в России” (прямой вопрос); “Если представители разных этнических или культурных групп желают сохранять свою культуру, им следует ее сохранять для себя” (обратный вопрос).

Этническая толерантность. Данная шкала имеет 4 вопроса, например: “Хорошо, когда люди разных рас и национальностей живут в одной стране”.

Удовлетворенность жизнью. Шкала включает 5 вопросов, например: “Я могу многое делать так же хорошо, как и большинство других людей”.

Стратегии аккультурации. Существует две версии данной переменной.

1). Шкала *аккультурационных стратегий мигрантов*. В нее входило 16 вопросов, по 4 для каждой из следующих аккультурационных стратегий: *интеграция* – “Я считаю, что [название своей этнической группы], живущие в России, должны как придерживаться собственных культурных традиций, так и усваивать русские традиции русских”; *ассимиляция* – “Владеть в совершенстве русским языком для меня важнее, чем [название своей этнической группы]”; *сепарация* – “Я считаю, что [название своей группы], живущие в России, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать русские” и *маргинализация* – “Я не хочу иметь среди друзей ни русских, ни [название своей группы]”. Для целей исследования мы использовали в моделях только аккультурационные стратегии *интеграции* и *ассимиляции*.

2). Шкала *аккультурационных ожиданий* была использована как параллельный вариант шкалы аккультурационных стратегий для мигрантов (данную анкету заполняли только русские москвичи). В шкале 16 вопросов, по 4 для каждого из следующих аккультурационных ожиданий: *сегрегация* – “Я считаю, что иммигранты должны придерживаться своих культурных традиций и не перенимать русские”; *исключение* – “Для иммигрантов не важно владеть в совершенстве ни родным, ни русским языком”; *мультикультурализм* – “Я считаю, что иммигранты должны как сохранять свои культурные традиции, так и осваивать русские”; *“плавильный котел”* – “Иммиг-

рантам важнее владеть в совершенстве русским языком, чем родным”. Для целей исследования в модели мы использовали только два измерения – мультикультурализм и “плавильный котел”.

Социокультурная адаптация. Данная шкала оценивает компетентность в повседневных межкультурных отношениях [30] у мигрантов. Respondентам задавался вопрос: “Отметьте, пожалуйста, в какой мере Вы испытываете в России (регионе) трудности в каждой из указанных областей” (примеры вариантов ответов: понимание шуток и юмора; встречи с другими людьми; общение с людьми других этнических групп и т.д.).

Межкультурные контакты. Межкультурные контакты оценивались параллельными вопросами, которые задавались мигрантам и членам принимающего общества. Вопросы для мигрантов: “Сколько у Вас близких друзей – русских?” (варианты ответов: 1 – Ни одного; 2 – Только один; 3 – Мало; 4 – Несколько; 5 – Много); “Как часто Вы встречаетесь со своими близкими друзьями – русскими?” (1 – Никогда; 2 – Редко; 3 – Иногда; 4 – Часто; 5 – Каждый день). Членам доминирующей группы (русским) задавались аналогичные вопросы об их друзьях из других этнических групп и о частоте контактов с ними.

Обработка данных. Для проверки трех гипотез, было использовано моделирование при помощи структурных уравнений (SEM) [17] с помощью программы AMOS версии 20.0 [9].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В таблице 2 представлены дескриптивные статистики всех шкал для выборок русских и мигрантов, а также результаты оценки статистической значимости различий по всем шкалам между выборками. Выявлено, что воспринимаемая безопасность, удовлетворенность жизнью и аккультурационное ожидание “плавильный котел”

значительно более выражены у членов доминирующей группы. Баллы мигрантов выше по шкале мультикультурной идеологии, аккультурационной стратегии интеграции и интенсивности дружеских контактов с представителями доминирующей группы. Уровень этнической толерантности приблизительно равен в обеих группах. Отметим, что нами было проведено прямое сравнение шкал аккультурационных стратегий интеграции и ассимиляции среди мигрантов и аккультурационных ожиданий мультикультурализма и “плавильный котел” среди москвичей, поскольку они имеют одинаковое содержание.

В целом, можно сделать вывод, что представители доминирующей группы чувствуют себя более защищенными и удовлетворенными жизнью, чем мигранты. Стратегия интеграции в принимающее общество в большей мере выражена среди мигрантов, нежели ожидание “мультикультурализм” среди русских москвичей, которые предпочитают ассимиляцию мигрантов по принципу “плавильного котла” в большей мере, чем сами мигранты хотят быть ассимилированными.

На рисунках 2–3 изображены структурные модели для проверки трех гипотез для мигрантов и русских москвичей. С этой целью мы сделали общие модели для каждой выборки.

Статистические показатели модели удовлетворительны ($\chi^2 = 683$; $p < .001$; $\chi^2/df = 1.8$; $CFI = .91$; $AGFI = .87$; $RMSEA = .05$; $PCLOSE = .84$).

Согласно полученным моделям можно заключить, что гипотеза мультикультурализма частично подтверждается в группе мигрантов: воспринимаемая безопасность является предиктором толерантности (.79), но не мультикультурной идеологии (.04). Гипотеза интеграции также подтверждается частично: предпочтение мигрантами стратегии интеграции способствует их лучшей социокультурной адаптации (.15), но не их удовлетворенности жизнью (.09). Гипотеза контакта

Таблица 2. Статистическая значимость различий средних значений между мигрантами и русскими

Название шкалы	Мигранты		Русские		<i>t</i>
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	
Воспринимаемая безопасность	3.27	1.55	3.50	1.30	3.40**
Мультикультурная идеология	4.07	.74	3.76	.82	6.10**
Этническая толерантность	3.13	1.03	3.24	.98	1.03
Удовлетворенность жизнью	3.17	.90	3.30	.78	2.30*
Интеграция/Мультикультурализм	4.32	.73	3.93	.81	7.60**
Ассимиляция/Плавильный котел	1.74	.73	2.04	.75	6.20**
Межкультурные контакты	2.40	1.20	1.80	1.33	7.40**
Социокультурная адаптация	4.44	.96			

Примечание: *M* – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение; *t* – значение *t*-критерия Стьюдента; * $p < .05$; ** $p < .001$.

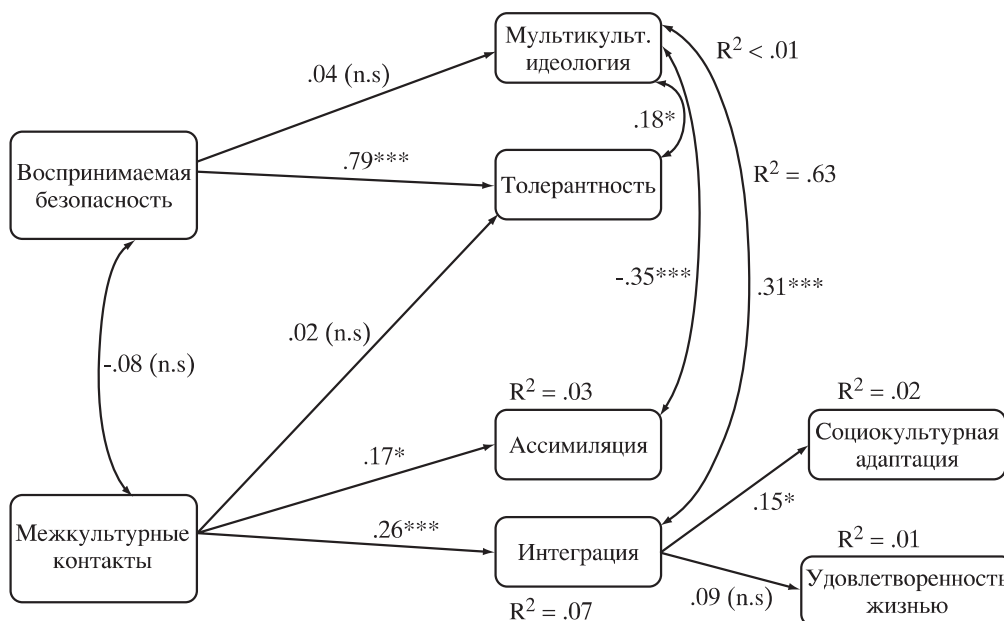

Рис. 2. Результаты моделирования при помощи структурных уравнений для всех трех гипотез (группа мигрантов)

Примечание: * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$, *n.s.* – статистически незначимо

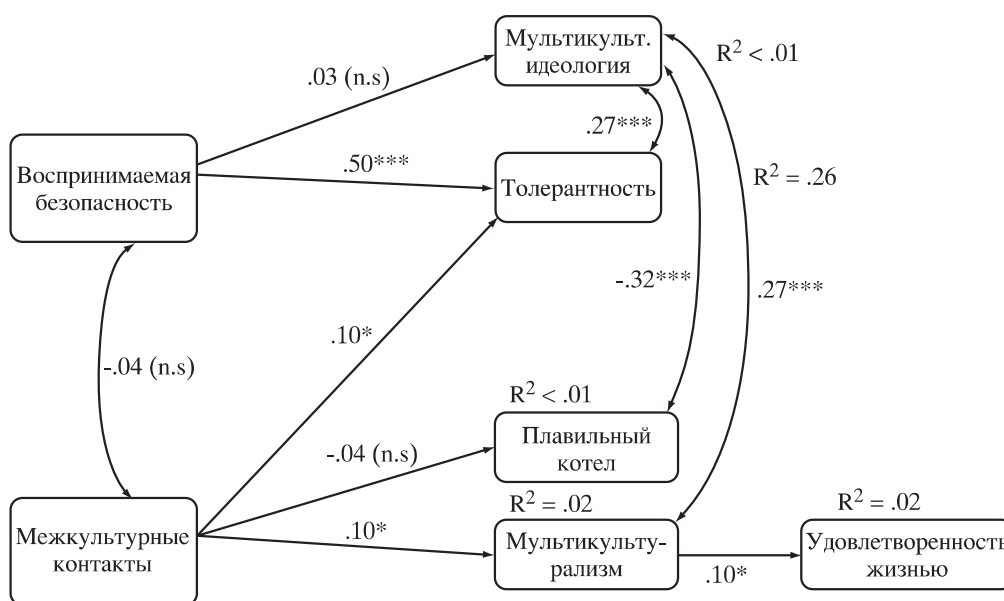

Рис. 3. Результаты моделирования при помощи структурных уравнений для всех трех гипотез (русские жители Москвы)

Примечание: * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$, *n.s.* – статистически незначимо

подтверждается полностью: частые дружеские контакты мигрантов с русскими москвичами предсказывают предпочтение мигрантами двух стратегий, направленных на позитивные отношения с коренными жителями – стратегий интеграции (.26) и ассимиляции (.17).

Статистические показатели модели удовлетворительны ($\chi^2 = 554$; $p < .001$; $\chi^2/df = 2.3$; $CFI = .91$; $AGFI = .91$; $RMSEA = .05$; $PCLOSE = .87$).

Гипотеза мультикультурализма эмпирически на данных москвичей подтверждается частично:

воспринимаемая безопасность предсказывает толерантность (.50), но не мультикультурную идеологию. Для гипотезы интеграции аккультурационное ожидание мультикультурализма прогнозирует удовлетворенность жизнью. Наконец, для гипотезы контакта общение с мигрантами обуславливает толерантность и аккультурационное ожидание “мультикультурализм”, но не предсказывает ожидание “плавильный котел”.

Получены сходные паттерны связей между аккультурационными ожиданиями, толерантностью

и принятием мультикультурной идеологии в обеих выборках. Предпочтение москвичами мультикультурализма положительно связано с мультикультурной идеологией (.27), а предпочтение “плавильного котла” связано с мультикультурной идеологией отрицательно (–.32).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

1. Гипотеза мультикультурализма подтвердилась частично как для выборки мигрантов, так и для членов принимающего общества (москвичей). Чувство воспринимаемой безопасности в значительной мере способствует толерантности к другим культурным группам в обеих выборках. Однако между воспринимаемой безопасностью и мультикультурной идеологией ни в одной из двух групп статистически значимой связи обнаружено не было. Полученные данные в целом соответствуют результатам других исследований, в которых показано, что культурная безопасность предсказывает толерантность у москвичей [23]. Данные также соотносятся с выводами исследований, проведенных в других странах. Например, в Канаде [14, 15] и Новой Зеландии [31] показатели культурной безопасности/угрозы и экономической безопасности/угрозы положительно коррелировали друг с другом и с различными позитивными межкультурными установками.

2. Обнаружено частичное доказательство важной роли стратегий интеграции и мультикультурализма в поддержании субъективного благополучия. Результаты продемонстрировали, что предпочтение мигрантами стратегии интеграции способствует лучшей социокультурной адаптации. В модели москвичей аккультурационное ожидание “мультикультурализм” предсказывает более высокий уровень удовлетворенности жизнью. Полученные результаты в целом подтверждают многочисленные находки других исследователей о том, что стратегия интеграции в наибольшей мере способствует субъективному благополучию индивида [11, 18, 24]. Стратегии мультикультурализма и интеграции оказываются наилучшими для повышения субъективного благополучия не только в недоминирующих этнических группах России, но также и в доминирующей группе, что согласуется с результатами исследования З.Х. Лепшиковой [3].

3. Результаты частично подтверждают влияние межкультурных контактов на принятие “других” в обеих группах – мигрантов и москвичей. Наличие друзей среди москвичей и частота контактов с ними способствуют ориентации мигрантов на

выбор стратегий интеграции и ассимиляции; эти аккультурационные стратегии включают в себя желание мигрантов стать частью принимающего общества. Частота межгрупповых контактов в группе русских москвичей способствует предпочтению аккультурационного ожидания “мультикультурализм” и этнической толерантности, что позитивно отражается на их желании жить в культурно разнообразном обществе и желании принимать “других”, а также уменьшает аккультурационное ожидание “плавильный котел”. Последнее означает, что москвичи предпочитают принимать мигрантов в своей культуре и не требуют от них отказа от их культурного наследия, чтобы быть принятыми в доминирующее общество. Такое объяснение подтверждается значительным различием средних значений у москвичей между аккультурационными ожиданиями “мультикультурализм” и “плавильный котел” (3.93 и 2.04 соответственно).

Построение моделей показало следующее. Во-первых, результаты моделирования на группе мигрантов свидетельствуют о том, что воспринимаемая безопасность и контакты не связаны друг с другом. Это означает, что чувство безопасности не является обязательной предпосылкой наличия дружеских межкультурных контактов. Во-вторых, межкультурные контакты связаны с предпочтением мигрантами стратегии интеграции, которая, в свою очередь, предсказывает лучшую социокультурную адаптацию мигрантов, что поддерживает гипотезу интеграции. В-третьих, обнаружены некоторые взаимосвязи между латентными переменными. Толерантность и поддержка мультикультурной идеологии среди мигрантов статистически значимо связаны друг с другом (.18). Это отражает позитивную ориентацию на принятие представителей других культур. К тому же, предпочтение интеграции положительно (.31) связано с мультикультурной идеологией, в то время как для ассимиляции эта связь обратная (–.35). Описанные данные иллюстрируют различное содержание двух аккультурационных стратегий: ассимиляция в доминирующей культуре означает отвержение мультикультурной идеологии; в то время как согласие с мультикультурной идеологией наблюдается при выборе стратегии интеграции в новую культуру и общество.

Полученные структурные модели позволяют проанализировать некоторые ключевые элементы гипотезы контакта – набор условий, необходимых во время контакта для формирования позитивных межкультурных отношений. Три гипотезы связаны между собой, поскольку первые две описывают ряд условий, важных для позитивных

последствий контакта (например, безопасность, аккультурационные установки и ожидания). Когда существует культурная угроза, появляются негативные аттитюды, характеризующие отношения между группами. Это следствие применимо ко всем этнокультурным группам, как доминирующим, так и недоминирующим. Например, когда члены принимающего общества ощущают беспокойство, связанное с иммиграцией, и когда право представителей отдельных групп на поддержание своей родной культуры и/или полноправное членство в принимающем обществе стоит под вопросом или отрицается, вероятнее всего возникнет взаимная вражда. В таких условиях увеличение контактов вряд ли приведет к более позитивным межкультурным установкам. В контексте гипотезы интеграции “двойные связи” (с собственной этнической культурой и культурой принимающего общества, поддержание контактов с представителями обеих культур) сопряжены с большим субъективным благополучием, включая более высокую самооценку и удовлетворенность жизнью. Когда психологическое и социальное благополучие низки, у индивида будет низкое желание участвовать в межкультурных контактах. Когда же контакт возникает при таких условиях, согласно гипотезе контакта, вероятнее всего, он приведет к более враждебным взаимным установкам.

Как показано в структурных моделях, существует цепочка последовательных влияний: воспринимая безопасность, за которой следуют толерантность и предпочтения “принимающих” аккультурационных стратегий или ожиданий, за ними в свою очередь следуют психологическая и социокультурная адаптация. Гипотеза мультикультурализма оказывается ключевой связью в описанной цепи, объясняя значительную часть дисперсии и подтверждая необходимость поддержания для всех индивидов позитивной и безопасной культурной идентичности. Но поддержание культурной идентичности невозможно без обеспечения условий равноправной интеграции в принимающее общество. Моделирование структурными уравнениями позволяет сказать, что воспринимая безопасность позитивно влияет на толерантность, но не на мультикультурную идеологию, таким образом, гипотеза мультикультурализма получила лишь частичное подтверждение. Аккультурационное ожидание “мультикультурализм” предсказывает удовлетворенность жизнью, что поддерживает гипотезу интеграции для москвичей. Частые дружеские контакты с мигрантами обуславливают толерантность и аккультурационное ожидание “мультикультурализм” у русских москвичей, но не ожидание “плавильный ко-

тел” — т.е. гипотеза контакта получила частичное подтверждение.

Полученные результаты означают, что для реализации политики мультикультурализма поликультурному обществу необходимо поддерживать соответствующую идеологию, однако, если общество выбирает политику ассимиляции (“плавильный котел”), оно отвергает подход с позиций мультикультурной идеологии. Толерантность и поддержка мультикультурной идеологии связаны между собой в обеих выборках. Таким образом, общая модель для принимающего общества также частично подтверждает все три гипотезы.

Что касается сходства связей для трех гипотез, были обнаружены одинаковые схемы в двух выборках: предпочтение интеграции и мультикультурализма — положительно, а предпочтение ассимиляции и ожидания “плавильный котел” — отрицательно — связаны с мультикультурной идеологией. Эта общая схема взаимосвязей в двух выборках поддерживает точку зрения, согласно которой для понимания межкультурных отношений необходим так называемый *совместный подход, то есть, необходимо изучать и представителей мигрантов, и представителей принимающего общества одновременно*. Если паттерны отношений различны в выборках или даже противоречивы, тогда невозможно будет предложить рекомендации, подходящие для всех групп. Таким образом, с помощью структурного моделирования удалось продемонстрировать сходные психологические процессы, лежащие в основе межкультурных отношений и аккультурации в двух группах.

В целом, мы предполагаем, что основными условиями позитивных межкультурных отношений выступают наличие чувства безопасности и согласие с идеологией мультикультурализма в принимающем обществе, одновременно на уровне социальных установок общества и на уровне государственной политики. Безопасность и мультикультурная идеология положительно связаны с толерантностью в обеих выборках. Как отмечалось выше, идеология мультикультурализма включает осознание ценности культурных различий для общества, признание равноправного участия всех индивидов в повседневной жизни принимающего общества и желание каждого индивида двигаться в направлении принятия всех членов общества. Однако в некоторых странах (например, во многих странах Европы и в США) существует распространенное и неверное понимание мультикультурализма только как наличия в обществе многих недоминирующих культурных групп (только поддержание и сохранение куль-

тур) при отсутствии их равноправного участия и включения в принимающее общество.

Так, в результате исследований установлено, что европейцы четко различают право иммигрантов на поддержание своей культуры в *частной жизни* (т.е. в своих семьях и сообществах) и ожидают изменения их поведения в *публичной* сфере [29]. Было обнаружено, что принимающее население считает приемлемым для мигрантов вести себя в соответствии с нормами своей культуры в семье или внутри своих сообществ, но культурные особенности мигрантов не должны демонстрироваться или проявляться в публичных местах: в образовательных учреждениях или на работе. Именно это мнение привело к тому, что некоторые европейские лидеры констатировали “провал мультикультурализма”. Такая точка зрения противоречит базовым принципам, изложенным Европейским Союзом, когда процесс интеграции рассматривается в качестве взаимных уступок. Дж. Берри утверждает, что мультикультурализм в Европе не “провалился”, поскольку он даже и не “начинался”, то, что называется мультикультурализмом, на самом деле оказалось формой сегрегации, при которой культурные практики оказываются приемлемыми, только если они отделены от жизни принимающего общества [12].

Наиболее трудный для интерпретации результат – почему безопасность предсказывает толерантность (как и ожидалось), но не имеет связи с мультикультурной идеологией ни в одной из выборок. Одно из возможных объяснений состоит в том, что идеология мультикультурализма слишком абстрактна для россиян, в то время как наша шкала толерантности позволяет оценить конкретные случаи принятия или отвержения представителей инокультурных групп (таких как, женитьба, принятие на работу и т.д.). Тем не менее, толерантность и мультикультурная идеология связаны между собой в двух выборках. Возможно, должно пройти время пока идеология разовьется в государственную политику и будет реализовываться, например, в системе образования.

Различное подтверждение гипотез интеграции и контакта на выборках мигрантов и москвичей может быть обусловлено следующим. Для мигрантов предпочтение стратегии интеграции содействует их социокультурной адаптации, но не удовлетворенности жизнью; для москвичей, напротив, ожидание мультикультурализма способствует их удовлетворенности жизнью (социокультурная адаптация в этой группе не оценивалась). Возможно, базовые социокультурные потребности мигрантов могут быть удовлетворены, когда

они вовлечены в обе культуры. Однако для москвичей включение в общественную жизнь мигрантов можно рассматривать как фактор, ведущий к психологическому благополучию.

Для мигрантов отсутствие связи между частотой контактов и уровнем толерантности может свидетельствовать о неудовлетворительной природе таких контактов. Мигранты отчетливо предпочитают интеграцию, которая в свою очередь ведет к более успешной социокультурной адаптации. Придерживающимся стратегии интеграции мигрантам необходимо, чтобы российское общество воплощало в жизнь мультикультурную идеологию, что в настоящее время далеко от реальности в повседневной жизни.

ВЫВОДЫ

1. Установлено, что чувство воспринимаемой безопасности является главным фактором взаимного принятия и адаптации. Его отсутствие ведет к этнической интолерантности и препятствует интеграции иммигрантов в принимающее общество. Полученные данные согласуются с результатами других исследований, в которых было показано, что москвичи, чувствующие себя безопасно в поликультурной среде, более толерантны в отношении иммигрантов и демонстрируют большее желание содействовать их скорейшей адаптации [1, 2, 23].

2. Попытки улучшить отношения между принимающим обществом и иммигрантами должны быть направлены на повышение общего чувства безопасности: безопасность тесно связана с толерантностью к другим. Поскольку толерантность и мультикультурная идеология связаны друг с другом в обеих выборках, разработка программ, повышающих вероятность принятия мультикультурной идеологии, должна стать приоритетной в России, как во всех поликультурных обществах.

3. Ориентации на аккультурационную стратегию “интеграция” и аккультурационное ожидание “мультикультурализм” положительно связаны с принятием мультикультурной идеологии, в то время как ориентации на “ассимиляцию” и “плавильный котел” связаны с мультикультурной идеологией отрицательно в обеих выборках. Таким образом, программы, пропагандирующие выбор стратегии интеграции в недоминирующих культурных группах и мультикультурализма в доминирующей группе (одновременно с отвержением стратегии ассимиляции и ожидания “плавильный котел”), должны способствовать развитию

идеологии мультикультурализма в обществе и толерантности в отношении других.

4. В настоящее время проект *MIRIPS* осуществляется более чем в 20 странах. Если в большинстве исследований все три гипотезы получают подтверждение, то может быть сформулирован набор принципов для выбора направления развития и применения международных практик для улучшения качества межкультурных отношений, аккультурации и субъективного благополучия всех, кто пытается жить вместе в поликультурных обществах. Данные принципы будут отражать три гипотезы: продвижение политики мультикультурализма и интеграции; повышение уровня культурной, экономической и личной безопасности и предоставление возможностей для межкультурного контакта. Несомненно, как и для любой межкультурной практики, при разработке политики и соответствующих программ необходимо учитывать политический, культурный, социальный, экономический и исторический контексты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межэтнического взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009.
2. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Этническая идентичность, статус группы и тип расселения как факторы межгрупповой интолерантности // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 3. С. 51–64.
3. Лепиокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М.: Грифон, 2012.
4. Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2011.
5. Стельмах В.Г. Москва: “маленький” Кавказ – большие проблемы // Бюллетень “Конфликт – диалог – сотрудничество”. 1999. № 1. С. 144–147.
6. Хотинец В.Ю., Молчанова Е.А. Опосредующая роль этнического образа в межэтнических отношениях // Психол. журн. 2014. Т. 35. № 3. С. 40–57.
7. Щебетенко С.А. Восприятие иммигрантов россиянами: эффекты когнитивной нагрузки, стереотипности и черт личности // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 2. С. 28–38.
8. Allport G. The nature of prejudice. Reading, MA: Addison-Wesley. 1954.
9. Arbuckle J. IBM SPSS Amos 19 user's guide. Amos Development Corporation. 2010.
10. Berry J. Multicultural policy in Canada: A social psychological analysis // Canadian Journ. of Behavioural Science. 1984. Vol. 16. P. 353–370.
11. Berry J. Immigration, Acculturation and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–68.
12. Berry J.W. Intercultural Relations in Plural Societies: A Comparative Perspective // The Contribution of Diversity to Social Cohesion / Eds. A. Azzi, E. Bribosia, A. Rea, I. Rorive. London: Brill Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 279–295.
13. Berry J.W. Research on multiculturalism in Canada // International Journ. of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. P. 663–675.
14. Berry J., Kalin R. Multicultural Policy and Social Psychology: The Canadian Experience // Political Psychology: Cultural and Cross-Cultural Foundations / Eds. S. Renshon, J. Duckitt. London: MacMillan, 2000. P. 263–284.
15. Berry J., Kalin R., Taylor D. Multiculturalism and Ethnic Attitudes in Canada. Ottawa: Ministry of Supply and Services. 1977.
16. Berry J., Sabatier C. Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris // International Journ. of Intercultural Relations. 2010. Vol. 34. P. 191–207.
17. Bollen K.A., Pearl J. Eight Myths about Causality and Structural Equation Models UCLA Cognitive Systems Laboratory, Technical Report (R-393). 2012. [Электронный ресурс] URL: http://bayes.cs.ucla.edu/csl_papers.html (дата обращения 23.05. 2013).
18. Cambridge handbook of acculturation psychology // Eds. D. Sam, J. Berry. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
19. International Migration Report. UN Department of Economic and Social Affairs Population Division. 2013. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/migration/migrationreport2013/Full_Document_final.pdf/ (дата обращения 15.05. 2014).
20. Kalin R., Berry J. Social ecology of ethnic attitudes in Canada // Canadian Journ. of Behavioural Science. 1982. Vol. 14. P. 97–109.
21. Kruusvall J., Vetik R., Berry J. The strategies of inter-ethnic adaptation of Estonian Russians // Studies of Transition States and Societies. 2009. Vol. 1. P. 3–24.
22. Koopmans R. Multiculturalism and Immigration: A Contested Field in Cross-National Comparison // Annual Review of Sociology. 2013. Vol. 39. P. 147–169.
23. Lebedeva N., Tatarko A. Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia // Immigration: policies, challenges and impact / Ed. E. Tarakovsky. NY: Nova Science Publishers, Inc. 2013. P. 179–194.
24. Nguyen A., Benet-Martínez V. Biculturalism and Adjustment A Meta-Analysis // Journ. of Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44(2). P. 122–159.

25. Pettigrew T., Tropp L. A meta-analytic test of intergroup contact theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90. P. 751–783.
26. Pettigrew T., Tropp L. How does intergroup contact reduce prejudice. Meta-analytic tests of three predictors // *European Journ. of Social Psychology*. 2008. Vol. 3. P. 922–934.
27. Pettigrew T., Tropp L. When groups meet. London: Psychology press. 2011.
28. Stephan W., Renfro C., Esses V., Stephan C., Martin T. The effects of feeling threatened on attitudes toward immigrants // *International Journ. of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29. P. 1–19.
29. Van de Vijver F., Breugelmans S., Schalk-Soekar S. Multiculturalism: Construct validity and stability // *International Journ. of Intercultural Relations*. 2008. Vol. 32 (2). P. 93–104.
30. Ward C. Acculturation // *Handbook of intercultural training*. 2nd ed. / Eds. D. Landis, R. Bhagat. Newbury Park: Sage, 1996. P. 124–147.
31. Ward C., Masgoret A-M. Attitudes toward immigrants, immigration, and multiculturalism in New Zealand: A Social Psychological Analysis // *International Migration Review*. 2009. Vol. 42. P. 222–243.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL BASIS OF MULTICULTURALISM: TESTING OF INTERCULTURAL INTERACTION HYPOTHESES IN THE RUSSIAN CONTEXT

N. M. Lebedeva*, A. N. Tatarko**, J. Berry***

* Sc. D. (psychology), Professor of Faculty of Social Sciences,
Head of International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research NRU-HSE (Moscow);

** Sc. D. (psychology), Associate Professor of Faculty of Social Sciences, Leading Research Fellow
of International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research NRU-HSE (Moscow);

*** Emeritus Professor of Psychology Queen's University (Kingston, Canada), Chief Research
Fellow of International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research NRU-HSE
(Moscow).

This paper examines intercultural relations of host population (N = 651) and migrants (N = 378) in Moscow. The study examines the relevance of three hypotheses that can be used to understand intercultural relations: the multicultural hypothesis, integration hypothesis and contact hypothesis. Data processing was carried out using structural equation modeling (SEM), separately for migrants and those in Moscow, and compared the results with each other. The results showed that perceived security, intercultural contacts, acceptance of multicultural ideology, acculturation attitudes and expectations have a significant impact on immigrants' and Muscovites' mutual acculturation and attitudes. The authors concluded that efforts to improve intercultural relations between immigrants and the larger society should be directed at enhancing the larger society's basic sense of security and to developing programs that improve mutual attitudes, intercultural competence and tolerance among both the members of the larger society and among immigrants.

Key words: acculturation, acculturation strategies/expectations, intercultural contact, intercultural relations, life satisfaction, multicultural ideology, migrants, perceived security, tolerance.